

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я МАГНИТ...»

К 100-летию Семёна Гудзенко

УСАМЫХ, ПОЖАЛУЙ, известных строк поэта: "Мы не от старости умрём — От старых ран умрём...", есть неожиданное и весьма странное, на первый взгляд, продолжение:

*Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!*

Странность этих строк заключается вовсе не в их поэтическом смысле, который явно перекидается с пушкинских песен Вальсинггера из "Пира во время чумы":

*Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твоё призвание!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьём дышанье, —
Быть может... полное Чумы!*

Нет, эти строки мелком обозначенного Семёном Петровичем Гудзенко (5 марта 1922 — 12 февраля 1953) небольшого "пира во время войны" (вернее, сразу после войны и Победы — стихи 1946 года!) не

1944 — начала 1945 годов? Из военных запасов? Из оккупированной Франции? Из союзной Испании? Из нейтральной Португалии? Откуда-то ещё?

Настоящая история Второй мировой (а значит — и Великой Отечественной) до сих пор не написана, и этот факт подчёркивается множеством свидетельств, включая и свидетельства Семёна Гудзенко. Читая его стихи и его записные книжки — не менее, а в чём-то даже более яркие, чем его стихи, начинаешь понимать, что "единая Европа" — вовсе не продукт современного Европейского Союза, что она уже существовала в 1940—1944 годах под знаком свастики и не за страх, а за совесть работала на Третий рейх, воевала на его стороне, пока тот вследствие побед Красной Армии не начал терять силу, и лишь тогда от него начали отталкиваться одна за другой страны и народы.

В записных книжках Гудзенко на этот счёт много показательных записей.

в России и воевали так, что под Вороножем их не брали в плен.

Там же — упоминания о встречах автором многих "интернациональных парах" военной Европы, не менее "единой", чем сегодня: поляка и голландца, шведка и немец и т. д.

"В Кишеште смотрел американский ковойский фильм. Стрельба. Убийство. Страшная скука. А зал в бешеном восторге. Я не досидел. Видно, мы воспитаны на более умно и мудро искусстве".

"12 мая 1945 года. Самый головокружительный день. Вчера решили ехать в Дрезден, а потом в Берлин! На рассвете выехали. Шофёр прекрасный, он ездил Прага — Париж — Мадрид. Германию знает. Он чех".

Без даты: "Солдат вернулся в Киев. У него жил немец на квартире. Убил его мать. Ограбил. Случайно нашёл конверт с его берлинским адресом. Это было в 1943 году. В 1945-м он пришёл в Берлин и нашёл дом этого немца. Здесь он увидел свой костюм, присланный в посылке. Немец уже давно был убит. Его вдова, когда узнала, что этот пехотинец смертельно поблбеднела. Солдат не стал брать своего костюма. Он только на дверях написал: "Сюда приходила мать из Киева, с ул. Чацкого, из дома № 18". Наутро вдова сбежала в деревню. Солдат решил поселиться здесь с друзьями. В шкафах он нашёл много знакомых вещей, и это ему напоминало мать, дом, Киев..."

Это послевоенные записи. А вот запись военных лет, сделанная как будто недавно, в любой день после победы нацистского "евромайдана". 20 мая 1942 года: "Что там? Звери затоптали лицо этого города. Киев, Киев..."

Семён Гудзенко — киевлянин, после окончания средней школы в 1939 году поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства), отучился там два года (по возрасту на Финскую войну не попал, хотя там воевали и погибли несколько его сокурсников), сразу после немецкого вторжения записался вместе со своими друзьями-"ифлийцами" добровольцем в спецназ (говоря современным языком), в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) — ту самую, в которую точно так же пришла добровольцем Зоя Космодемьянская. Скорее всего, они хотя бы мельком, но пересекались в ходе своего обучения.

Из "учебки" Гудзенко вернулся в Москву вместе со своей бригадой 16 октября, как раз в дни известной столичной паники, участвовал в охране центра столицы, а с легендарного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года ушёл на фронт. Почти два месяца выполнял разведывательные и диверсионные задачи на линии фронта и за линией фронта, "не сходя с лыж". Зоя Космодемьянская была казнена немцами 29 ноября 1941 года. Семён Гудзенко был тяжело ранен.

2 января 1942 года: "Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал. Рана — аж видно нутро".

Военные врачи поэта каким-то чудом "вытащили", и он без всякого отпуска отправился не куда-нибудь, а в Сталинград, только по здоровью уже не спецназовцем, а газетчиком. "В одном из подвалов (а в городе были только подвалы, с поверхности почти всё было сметено) разместилась выездная редакция "Комсомольской правды". В каждом номере газеты-листочки были стихи, статьи, лозунги Семёна. Он и спал тут же, на редакционном столе, подложив под голову комплект газет", — вспоминал Евгений Долматовский. Там Гудзенко и дошёл в красноармейском строю до Будапешта, Праги и Братиславы, до конца войны, до Победы.

Его стихи знали и помнили. Особенно эти строки, 1942 года:

*Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почерпел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
А значит —*

*смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черёд.
За мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею...*

Они заканчиваются так:

*Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.*

За эту деталь Гудзенко нещадно критиковали, как и за строки: "В каких я замках ночевал — мечтать вам и мечтать..." Но его стихи — неотъемлемая часть поэзии военных лет, той её части, принадлежащей авторам, которые "ушли, не долюбив, не докурив последние папиросы", отдав свои жизни нашей Родине, нашей Победе 1945 года. Автор приведённых выше строк Николай Майоров, а также Павел Коган, Михаил Кульчицкий — самые известные поэты этого поколения героев, не ведавших в своём творчестве ни сомнений, ни разочарований, которые пришлось переносить другим замечательным поэтам предвоенной и военной поры, пережившим их на несколько послевоенных десятилетий: Константину Симонову, Александру Твардовскому, Борису Слуцкому, Юрию Левитанскому. Семён Гудзенко, скончавшийся почти через восемь лет после Победы, конечно, принадлежит к числу первых, а не вторых.

Так, Слуцкий уже в 1952 году, ещё при жизни Гудзенко, написал прекрасное, но горькое стихотворение "Голос друга", посвящённое памяти Михаила Кульчицкого, с такими строчками:

*Сейчас всё это странно,
Звучит всё это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.*

"Странно", "глупо" — не исключено, такого настроения строки могли появиться к тому времени и у Кульчицкого, написавшего "...не до ордена. Была бы Родина с ежедневными Бородино"

У Семёна Гудзенко и к началу 1953 года таких строк не было. Несмотря ни на что, даже на стремительную потерю здоровья (как выяснилось, из-за опухоли мозга), активно участвовал в послевоенном восстановлении страны, в качестве журналиста объездил чуть ли не половину Советского Союза, продолжал писать стихи, в том числе поэму "Дальний гарнизон" — про Кушку, кстати, а последнее, предсмертное, стихотворение посвятил своей жене, Ларисе Алексеевне Жадовой. Когда речь зашла о его публикации — тоже то ли было, то ли небыло — сразу трое известных поэтов: Константин Симонов, Назым Хикмет и Михаил Луконин, — прочитав стихотворение, просили руки этой женщины, и она в 1956 году приняла предложение Симонова.

Сильный и светлый человек, настоящий воин и поэт Семён Гудзенко навечно зачислен в список русской поэзии.

Владимир ВИННИКОВ

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

Российское кино о Донбассе

ЕСТЬ В СОВРЕМЕННОМ кинематографе такой термин — фильмы категории "Б" (по-английски "B"). Родом он, как и многое в кино, из Калифорнии. Под фильмами категории "Б" голливуд 40–50-х годов подразумевал малобюджетные фильмы с интересной, но не уважаемой тематикой (вампиры, фантастика) и незвёздными актёрами. Шли они во время сдвоенных киносеансов, предвараая дорогие картины с заоблачными бюджетами и безоблачными киногероями. К концу XX века словосочетание "фильм категории "Б" стало нарицательным, едва ли не ругательным. Что-то вроде "мимо кассы".

Так оно было и есть. У них. Но только не у нас. Особость русской цивилизации и здесь являла себя, причём с разных сторон. Оставим в покое высокбюджетные и обильно звёздные провалы младших Михалкова ("Предстояние", "Цитадель") и Бондарчука ("9 рота", "Сталинград") и их многочисленных, но неизменно подражателей с конвейера по производству полнометражных кинолент по государственному счёту. Злые языки говорят, что это были отнюдь не провалы, а, напротив, удачное освоение бюджетных средств, потраченных, скажем так, на обустройство российских территорий, пусть даже и совсем крохотных и обнесённых высокими заборами.

Но есть взгляд на это же явление и с другой стороны, когда малобюджетный "Брат" Алексея Балабанова (10 тыс. долл., сравните с 50 млн долл. "Предстояние" у Михалкова) становится классикой и воистину народным фильмом ещё при жизни создателя.

Потому что правда. Похожие ожидания были у меня и от первых российских полнометражных фильмов про войну в Донбассе: снятый в Крыму "Солнцепёк" (собственно российский) и снятая в ЛНР "Ополченочка" (пророссийский, используя язык заокеанского агитпропа).

Почему же не стали? Я думаю, что в первую очередь потому, что в отличие от 90-х, которые постсоветским обществом в целом воспринимались как одна большая и непрекращающаяся беда, сегодня мы живём во времена относительно расщепляющего всесмещения, предвосхищённого ещё Константином Леонтьевым. Это касается не только сословий, но и ощущений. И даже понятий и категорий. Их бесконечное расширение предложено не нами. Поэтому в случае с фильмами про войну в Донбассе нам придётся говорить не столько о фильмах категории "Б", сколько о войнах категории "Б". И вот почему.

Потому что термин "гибридная" война слишком широк, а эпитет "незаявленная" слишком заезжен. Определение же из мира кинематографа подходит идеально. Ничто так неразумно, но от этого не менее точно и исчерпывающе не говорит сегодня об обществе и государстве, как кино. И ни на то государство не тратит таких средств, как на создание нужной и ненужной кинокартинки. Военную операцию РФ в Сирии можно назвать "гибридной"? Вполне. А саму войну "незаявленной"? Однозначно. И всё-таки это война категории "А". Самая современная техника, самые лучшие вооружения, успехи Российской армии в СМВ и на самом деле, ну и вот, наконец, — прекрасные фильмы. То же "Небо": лучшее экранное время, прокат по всей стране, звёздный состав. Бюджет неизвестен, но точно не по ночам и не в свободное от основной работы время снималось.

А ТЕПЕРЬ ДОНБАСС. Что там? А "их там нет". Российских войск. Следовательно, война категории "Б". Поэтому фильму "Солнцепёк" — закрытый показ в нескольких городах, пробный шар на НТВ, недавний показ на 5 Канале и, ради бога, безграничный интернет. Смотрите. Можете лайк поставить. Но событием это не станет.

Благодаря госпропаганде не станет, потому что "их там нет". Вопреки ей тоже не станет — потому что "немножечко есть". Это "немножечко" и есть — кино категории "Б". Война категории "Б". Территория категории "Б". Наконец, люди категории "Б".

Некрасиво? Не по-людски? Не по-русски? Зато честно. Время, правда, сегодня другое. Стремительное. И в калитку к нам (и с переднего двора, и с заднего) уже не просто стучатся, а ломится гопота окрестная. Подогняемая смотрящим из соседнего района. А мы им всё Достоевского проповедуем. Пора бы уже и Юрия Бондарева вспомнить. А лучше даже Шолохова и Симонова, у них лирических переживаний поменьше, зато дыхание врага, схватившего за горло, — явственное.

А фильмы "Солнцепёк" (2021) и "Ополченочка" (2021) хорошие. Я бы даже сказал обжигающие. И актёры прекрасные: и "звёздные" (Алексей Кравченко, Владимир Ильин, Александр Бухаров), и свои собственные, местные. Ещё в 2018 году вышла отличная короткометражная лента "Дежурство" за Захаром Прилепиным.

Но только тем, кто в курсе, они ничего нового не расскажут, а к тем, на кого рассчитаны, не упадут. Как сообщило издание The Insider со ссылкой на информированный источник, "Солнцепёк" вообще не попадёт в прокат "из-за отсутствия двух факторов: зрительского потенциала и официального нажима".

Собственно, про "официальный нажим" и речь...

P.S. И вот накануне 23-го февраля случилось неожиданное и долгожданное, ожидаемое и нежданное! Россия признала республики Донбасса официально, российской армии разрешено сделать всё необходимое для "поддержания мира" в регионе. Сказать, что время, которое потребовалось для принятия такого решения, равняется по продолжительности двум Великим Отечественным войнам, — ничего не сказать! Сказать, что накануне подписания актов о признании республик президентом России В.В. Путиным в популярном миллионном Донбассе ежедневно в линии разграничения разрывалось свыше 300 мин и снарядов, выпущенных украинскими нацистами (для сравнения — в двух с половиной миллионном блокадном Ленинграде ежедневно разрывалось порядка 80 фашистских мин и снарядов, хотя сравнение это, конечно, условное), — тоже ничего не сказать! "Это не геноцид!" — по определению потомственного "специалиста" по геноциду, канцлера Германии господина Шольца.

Вне зависимости от времени начала и масштабов военной операции по денацификации и принуждению Украины к миру, свершилось главное: власть в России сказала громко и на весь мир, что для неё больше не существует русских людей "категории "Б", русских территорий "категории "Б" и самого англосаксонского и традиционного расистского мирового порядка, в котором люди и страны поделены на голливудские категории "А" и "Б", на "золотой миллиард" и остальных.

Здесь хотелось бы процитировать священномученика (правда, ещё не канонизированного) о. Павла Флоренского, который в год всенародного празднования Пушкинского юбилея, незадолго до расстрела, написал жене: "Получена газета, наполненная Пушкиным. Можно чувствовать удовлетворение, когда видишь хотя бы самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нём говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин будет говорить сам за себя и скажет всё нужное".

Войн "категории "Б" больше не будет. Слово сказано. И дело не медлит.

Алексей ШОРОХОВ

Иллюстрация: кадр из ставшей культовой короткометражки «Дежурство»

ожиданны, странны и одновременно интересны тем, что автор разливает по кружкам... ром! Предположить, что данный алкогольный напиток появился здесь только "для рифмы", невозможно: ведь он обозначен ярким и точным эпитетом "рыжий". Такое не выдумается, это надо видеть. И знать на вкус:

*В нём горечь, хмель и аромат
заморской стороны.
Его принёс сюда солдат,
вернувшийся с войны.*

То есть этот ром возник не в поэтической фантазии автора, но существовал в действительности и даже не являлся особой экзотикой среди трофеев наших красноармейцев.

Вроде бы небольшая деталь приобретает совсем иное значение, если задуматься над тем, а откуда столько крепкого напитка из "заморской стороны" могло взяться в гитлеровской Германии конца

26—28 апреля 1945 года. "Вчера с С. Головинским поехал через Дунай. За час побывал в трёх странах: Венгрия, Австрия, Словакия. У меня уже притупилось понятие о границах и о Европе". 29—30 апреля и 2 мая 1945 года: "Не был здесь неделю, а узнать нельзя. Через Дунай построен широкий мост. Немцы только хотели, но не успели. Муссолини повешен. Правильно. Суд, не отходя от эшафота!"

"Мост в Братиславе. Его построили за 7 дней. Каждый день гибло не менее 7 человек. Кто срывался, того уносил Дунай. А в один день сорвалась площадка, и утонуло 30 человек. Ноги были холодные, работали в шинелях и выпить не могли. А сейчас по мосту гуляют толстые словачки и пижоны в светлых плащах".

Записи о словах старого венгра: "Немцы обещали нам колонию в Африке". Вот за что воевали венгры

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте [zavtra.ru](#)

"Небесная телега набила им оскомину..."
Велимир Хлебников

КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИЗЮМИНКОЙ выступает крестьянская телега — она жизненна, как же догори, по которым везли картины дабы окультуривать массы в 1920 году. Мысль о телеге сопровождает посетителя выставки, и мы как бы усаживаемся на неё, пытаясь понять логику тех событий. Жестокая эпоха была до крайности милосердной и щедрой — по всей стране шла Гражданская война, ещё не романтизированная шестидесятиниками, а Наркомпрос учреждал художественные школы и мастерские, где юнчиши в лаптях учились конструировать стоезатяжную мечту из стекла, бетона и солнечных бликов.

Музей русского импрессионизма знакомит с очередным проектом — "Авангард на телеге в ХХI век", и архивное средство передвижения тут не обычный символ "отсталой России", что, вдруг затеряли в коммунистическое Далёко. Телега — реальность, с которой столкнулись культуртрегеры Луначарского. Это почти детективная история! Пропавшие на сто лет картины Машкова, Фешина, Кандинского, Розановой. Мы привыкли к тому, что открытия и сенсационные находки в области искусствоведения случались когда-то очень давно, в осьмнадцатом столетии, а здесь на наших глазах произошло чудо: выяснилось, что в провинциальном краеведческом музее целых сто лет хранились "никому не нужные" шедевры.

Итак, что же произошло? В октябре 1921 года на третью передвижную художественную выставку в город Советск (в прошлом носивший непрезентабельное имя Кукарка) Вятской губернии привезли более трёхсот произведений. Это была наивная и вместе с тем прорывная идея: показать простому люду современное искусство. В те годы искренне считали, что античность, ренессанс и барокко надо "сбросить с парохода современности", а ширнармассы должны впитывать пролетарский супрематизм безо всякой подготовки. С телеги — на планетолёт. "Довольно грошových истин. Из сердца старое вытри", — писал Владимир Маяковский, но вытереть старое можно, если его досконально знать. Поэт-агитатор из обедневшей дворянской семьи престолично разбирался в "старорежимном бархате", как и все его коллеги.

Чуть позже даже Лев Троцкий напишет: "Рабочему классу не нужно и невозможно порывать с традицией, ибо он вовсе не в тисках её". И понимание абстрактной живописи Кандинского — это не начало, а итог. Старт — Венера и Джоконда, а не кубистические натюрморты. Что было дальше? Картины, гружённые на телеги, отправлялись в город Яранск, где из-за проблем с финансированием и позднесенней распутицы, они были оставлены в местном музее и забыты на целую вечность. Минувло столетие, смени-

ВОТ ОНА, ТЕЛЕГА, на которой ехали в блистающий мир. Что же хотели явить на той передвижной выставке? Чем удивить провинциалов, жаждавших новизны? Многие вопросы остаются без ответов. Несмотря на то, что экспозиционной

АВАНГАРД НА ТЕЛЕГЕ

Выставка в Музее русского импрессионизма

основой являлись картины, созданные в русле авангарда, тут есть импрессионистские работы Николая Фешина и его учеников из Казанской школы. Сейчас какая-то мода на Фешина. Его, эмигранта, недавно вспомнили и даже объявили гением, хотя Фешин — один из целой плеяды. Безусловно, маститый, неординарный — в Америке ему позировали богачи и голливудские звёзды.

Он — мастер бойко-живых и, как теперь это называют, "атмосферных" картин. Представлены портреты Ольги Ясеновой ("За самоваром") и Марии Евлампиевой. Молодые женщины, ученицы мэтра, изображены в потоке света, они кажутся "пойманными" в момент движения — это особенность русского импрессионизма, ловить мгновение, а не останавливать его, как делали французцы. Фешинский мир — это недосказанность: картины, похожие на многоточия. Таковы же его сельские пейзажи — дома и деревья в серовато-белёсой дымке, где всё зыбко.

Рядом — штудии его учеников. Харизматичный педагог, он умел влюбить в себя аудиторию. Один из интереснейших персонажей — Василий Тимофеев, начавший как импрессионист и надежда Фешина, потом развернувшийся в сторону реализма. Тимофеев, помимо прочего, был функционером и главой Татарского филиала Ассоциации художников революционной России (АХРР). Глядя на полупрофиль эффектной бронетки, легко заметить, что Тимофеев уже отказывается от фешинской манеры, а его "Зима" имеет ничего общего с тем, чему его учили! Это — свой почерк и реалистические акценты. Огромный плюс экспозиции — сочетание популярных и малоизвестных имён. Впрочем, это нынешний тренд. Всем хочется видеть палитру в целом, эру, явление, а не лишь знакомые вещи, доведённые до статуса конвертных обёрток.

Николай Фешин. За самоваром. Портрет О.М. Ясеновой. 1913 г.

Галина ИВАНКИНА